

существенное воздействие на формирование древнерусской философской мысли.

М. А. Резун
Томск

ПОЭТИКА БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО В РАССКАЗЕ Е. И. ЗАМЯТИНА "ЕЛА".

Популярность психоанализа в России первой трети XX века общеизвестна, и это находит свое отражение в литературе. Внимание к "бессознательным истокам" жизни, "тайному тайных", столь характерное для творчества И. Бабеля, Вс. Иванова, Б. Пастернака, М. Зощенко, Б. Пильняка, без труда обнаруживается и в прозе Е. И. Замятина этого периода. Именно в психоаналитических образах художник мыслит тайну творчества (см. статью Е. Замятина "Закулисы" в сборнике "Как мы пишем").

В новеллах "Ела" (1928) и "Наводнение" (1929) художник обращается к постижению внутренних глубин человеческой психики, и категория бессознательного становится смыслообразующей.

Интерпретация конфликта "Елы" как классического, традиционного для русской литературы имеет свою историю в замятиноведении. Д. Ричардс, А. Шейн, И. Попова, склонны видеть в рассказе продолжение гоголевских традиций в изображении "маленького человека": ела для героя Замятина - это та же долгожданная шинель для Башмачкина. И гибель героя свидетельствует о невозможности овладеть мечтой, которая подменяется обывательскими желаниями. Думается, что прочтение рассказа Замятина только сквозь призму гоголевского интертекста, упрощает авторскую концепцию. Более того, диалог с Гоголем здесь носит скорее игровой, камуфляжный характер, ибо классическая для русской литературы коллизия наполняется здесь совершенно другими смыслами.

Покупка елы для Цыбина становится единственной возможностью "догнать счастье", обрести "новую, великолепную жизнь". Безрадостное и бессмысленное существование, на которое обречен Цыбин со своей женой Анной, превращается в ожидание елы: "Как ребенок внутри женщины, в этой коробке лежала их ела, трудно, медленно зрела, питаясь человеческим соком, - и, может быть, теперь уже близок был час, когда она наконец родится". "Увязывание основной коллизии произведения с главным лейтмотивом замятинского

творчества - материнством, деторождением лишь подчеркивает экзистенциальность устремлений героя. Здесь, как и во многих других произведениях Замятина, поиск героем смысла и цели существования "кодируется" категорией женственного: ела в заветной коробочке "зреет", как ребенок; позже Цыбин добывается ее как невесты. Д. Ричардс указывает на то, что покупка елы воспроизводит русский свадебный обряд. Нам важнее подчеркнуть страстность "любовного романа" между героем и долгожданной елой. Борьба с противником, еще одним покупателем судна, только усиливает бессознательную страсть Цыбина. И жизнь героя обретает смысл именно в тот момент, когда, он наконец овладевает своим любовным объектом.

Композиция рассказа, также воспроизводит логику развития губительной страсти: три главы новеллы посвящены соответственно ожиданию любви, обретению ее и гибели героя.

Разбушевавшийся океан, в котором гибнет Цыбин со своей елой, становится довольно прозрачной метафорой как всесокрушающей силы бессознательного в психике человека и его жизни, так и невозможности "закрепиться" на "пике любви". "Вода является чаще всего встречающимся символом бессознательного. Психологически вода означает ставший бессознательным дух". Цыбин, как рыбак, стремится "выловить", поднять с "глубины вод" своего подсознания то неведомое, что там покоилось; более того, ему нужно для этого свое судно. Мифологизация сюжета позволяет прочитывать авторский замысел более широко, как процесс становления личности, обретение своего собственного лица. Ср.: "Тот, кто смотрит в зеркало вод, видит прежде всего собственное отражение. Идущий к самому себе рискует с самим собой встретиться /.../ Зеркало указывает на наше подлинное лицо". (К. Г. Юнг). И в начале герой радостно идет на опасную встречу с самим собой: приветствует шторм. Но неожиданно океан превращается в бездну, стену, пустыню - обнажается его страшное "дно". Дьявольская "подмена" обретенного счастья гибелью предопределена образом хозяйки елы - голубоглазой ундины с желтыми волосами. На какой-то момент она для Цыбина замещает елу, и как сирена, увлекает, заманивает героя, лишает сознания.

Обретение в страсти смысла жизни (а для героя Замятина и своего истинного лица) не может быть долговечным: "разбушевавшийся океан бессознательного" грозит поглотить не только Цыбина, но и судно с людьми, на котором он плывет (нормальную, повседневную жизнь) - ела с размаху бьет в корму судна. Цыбин осознает право жизни на самосохранение, канат, соединяющий елу с судном, разрубают

“Цыбин громко всхлипнул, бросил топор и, ничего не видя, хватаясь за что попало, пошел - все равно куда. Там, где позади него осталось все, - ударили топором еще раз. Елы больше не было, больше не было ничего”.

Финал новеллы демонстрирует своеобразную победу бессознательного над личностью: жизнь без елы, без всепоглощающей страсти обесмысливается для Цыбина; вернуться назад невозможно, и он гибнет в водной пучине (остается на своей еле), отделяясь “от всего мира глубокой водяной ямой”.

Н. А. Рогачева
Тюмень

ФОЛЬКЛОРНЫЕ МОТИВЫ В РОМАНЕ Б. Л. ПАСТЕРНАКА “ДОКТОР ЖИВАГО”

Известно, что во время работы над романом “Доктор Живаго” Б. Л. Пастернак “широко пользовался фольклорными материалами”. Разнообразие фольклорных источников проецируется на разные формы их включения в текст романа: цитирование, вариации того или иного фольклорного сюжета, разработка идей фольклористики и этнографии (в частности, книги В. Я. Проппа “Исторические корни волшебной сказки”), обращение к литературе, ориентированной на фольклор (ср., например, воспринятую через стихотворение А. Н. Апухтина поговорку “Жизнь прожить - не поле перейти”).

С фольклорной культурой связано и содержание некоторых ключевых мотивов романа.

1. Мотив “богатырства” интерпретируется Б. Л. Пастернаком в контексте темы о конце эпического этапа истории. Богатырство становится непосильным бременем для персонажей романа, источником безумия (Памфил Палых) и многочисленных ошибок. Мысль о непомерной тяжести, гневе богатырского подвига могла бы стать ключом для понимания как отдельных персонажей романа (Антипов-Стрельников), так и всей концепции “русского воинства”, связанной с образом богатыря, заснувшего мертвым сном. Пастернак подвергает сомнению основы богатырской этики, которая вступает в конфликт с христианским представлением об абсолютной ценности личности.

2. Сказочные мотивы поиска “невесты”, ухода в “чужой” мир и возвращения, временного безумия, внезапного испуга и др. дают основание для интерпретации сюжета романа в контексте